

Героем своего

25/IX-86

«...внутренняя, сокровенная история русской революционной партии...»
Ф. ЭНГЕЛЬС.

I. Волны революции

ПЕРЕД нами предстанут лучшие люди России. Перед нашим взором прокатится вторая революционная волна.

Мы бы не отдали должное нашим демократам, если бы в год их памяти не раскрыли перед читателем значение этой волны, а также ее внутреннее, сокровенное содержание.

Мы с вами знаем, что Ленин — первая, ведущая фигура в лагере русских революционеров. Но все ли осознают, что Чернышевский — второй в этом лагере? Что по размаху деятельности, по влиянию на жизнь он уступает только Ленину? Недаром же Чернышевский — глава, лидер революционной демократии — был любимым героем Ленина. Да и не только героем! А кровным, русским предшественником.

Ленин восхищался личностью Чернышевского: его верностью своим убеждениям, его достоинством и гордостью.

умер, не дождавшись ареста Чернышевского». «Вообще эти люди, которых, как злодеев, хотевших залить Россию потоками крови, уморили в каторге, отличались такими тонкими, развитыми чувствами и кротостью, каких, конечно, не бывало никогда у сошедшего их русского правительств».

Что же это такое: демократическая волна, какое у нее место среди революционных волн, идущих по планете, и какие у нее внутренние, сокровенные русские особенности?

Природа революционных волн, катящихся по миру, точно понята и определена Марксом: это вступление в освободительное движение новых и новых классов и слоев общества. Но это общая теория. А для того, чтобы верно определить тактику (как именно действовать революционеру в каждый конкретный момент, к каким условиям приложить теорию), надо находиться внутри своей волны.

Эпиграфом к этой статье взяты слова Энгельса из письма Вере Засулич от 23 апреля 1885 года. Привожу их полнее: «...внутренняя, сокровенная история русской революционной партии... мне почти совершенно неизвестна».

бенностью русского или славянского племени...»

Однако, замечает Чернышевский, исследования обнаруживают общины и у других народов, когда они еще были близки к патриархальному образу жизни. Поэтому гордиться нам нечем: это сохранение «остатка первобытной древности».

Казалось бы, он приветствует общий для всех путь развития, по которому уже идет Европа? Отнюдь нет. Он видит в общинном владении высшую форму отношений человека к земле. Запад идет от первобытной общины — через частную собственность — к высшей форме, опять общинной. А Россия должна миновать среднее звено! Он называет общину «спасительным учреждением». «Да не дерзнем мы посягнуть на общинное пользование землями...» Это надежда построить социализм на базе сельской общины.

А к статье, где он критикует предубеждения против общины, он выносит эпиграфом Гете: «Как больно, как больно, как больно!»

Недаром Вера Засулич неоднократно запрашивала мнение Маркса и Энгельса именно о сельской общине. Сельская община — сплошная

тятся революционные волны по разным странам и в разные времена. И далее: «В самом деле: нигде и никогда аграрный коммунизм, сохранившийся от родового строя, не порождал из самого себя ничего иного, кроме собственного разложения».

Но это марксизм, который России еще предстоит, по точному выражению Ленина, выстрадать. Мы же с вами имеем дело с демократами. С их главным противоречием, олицетворенным в фантастической фигуре революционного мужика.

Чернышевский, по своим взглядам бывший ближе других русских современников к Марксу и Энгельсу, тоже, как мы с вами видим, не был свободен от веры в чудодейственную силу общины. Верил и он!

России предстояло превратить значительную часть крестьян в пролетариев и подчинить капиталистическим «неумолимым законам, как и прочие нечестивые народы» (образная формулировка Маркса), а потом уже совершить пролетарскую революцию. Но это знаем мы. А они этого не знали.

Когда в России появился «Капитал», Чернышевский уже сидел в Вильюйске, среди якутов. Его социализм — утопический. Но все же социализм!

А масштаб целей дает и масштаб личностей, дает размах революционной волны: от Чернышевского — до героев «Народной воли». Высота второй волны — это вершины творчества Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Некрасова, Щедрина... и вершины героизма народовольцев, своей отчаянной борьбой потрясших царизм до такой степени, что во второй половине 70-х годов в стране было два правительства: царское и народолюбское, причем власть второго, тайного правительства тогда возросла с каждым днем.

Вторая волна — гораздо сильнее первой, декабристской.

«Вера в чудодейственную силу крестьянской общины... сделала свое дело, подняв воодушевление и энергию героических русских передовых борцов. Этих людей, которых было каких-нибудь несколько сот человек, но которые своей самоотверженностью и отвагой довели царский абсолютизм до того, что ему пришлось уже подумывать о возможности капитуляции и о ее условиях, — этих людей мы не потянем к ответу за то, что они считали свой русский народ избранным народом социальной революции. Но разделять их иллюзии мы вовсе не обязаны», — писал Энгельс в 1894 году.

РЕВОЛЮЦИОНЕРА формирует состояние народных масс, ради которых он борется. Если он не может пробудить в мужике революционную, он идет сражаться лично. Лично, но от имени мужика. Никаких иных революционных форм ему не оставлено. Значит, неизбежна именно эта форма. И именно в ней, в этой форме индивидуального террора, проявляется высочайший героизм, бесстрашие, самопожертвование, всегда свойственные русским революционерам, но проявлявшиеся в разных формах. Смотря по обстановке.

Та же Вера Засулич, которая уже упоминалась в этой статье, стреляла в петербургского градоначальника, стреляла за то, что он оскорбил лично знакомого ей ее единомышленника, заключенного в тюрьму. Она отомстила за унижение единомышленника, и правильно сделала. Других форм борьбы и протеста азиатская монархия ей не предоставила.

И другая сторона того же явления. Когда разнообразные проявления общественной жизни задавлены, то вся она устремляется в единственное окошко — в литературу, и мы получаем лучшую в мире литературу, в которой слиты передовая мысль, картины народной жизни, революционная пропаганда.

И то, и другое — внутреннее, сокровенное свойства нашей второй волны, внутреннее, особенные стороны русской революционной партии.

Е. ЛОСОТ.

СУДЬБА НАШИ ДУХОВНЫЕ ЦЕННОСТИ ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Конечно, главные учителя Ленина — Маркс и Энгельс. Но от Чернышевского — своего кровного, русского предшественника он перенял диалектический метод познания, благодаря ему усвоил философский материализм, у него же впервые нашел критику буржуазной политэкономии. Все это оказалось «хорошей подготовкой, чтобы позднее перейти к Марксу». Наши демократы были умные и тонкие люди, далеко обогнавшие свое время как по идеям, так и по нормам жизни. Это были новые люди.

Они во многом до сих пор новые. Публицист «Современника» Н. Шелгунов и писательница А. Панаева помогут нам дать их сжатый психологический портрет. Чернышевский, отличавшийся «ехидством языка», тем не менее «отогревал» и делал робкого смелым, Михайлов и Добролюбов ставили перегородку и возбуждали если не страх, то некоторую робость». Михайлов был задушевным и нервным, посторонний к себе в душу не пускал, «точно у него в кармане всегда были колючки, которые он держал наготове». Добролюбов был в этом на него похож.

Чернышевский страдал близорукостью. Мог раскланяться с брошенной на стул шубой, приняв ее за даму.

У большинства демократов отчетливо прослеживается отсутствие требований к комфорту и свобода от так называемых «естественных» прихотей.

М. Михайлов, вошедший в историю прежде всего как пропагандист женского образования и искатель «ключей от счастья женского», был подвергнут средневековой театрализованной «гражданской казни» 14 декабря (так!) 1861 года. Пройдет 160 лет после восстания декабристов 14 декабря 1825 года и 124 года после гражданской казни Михайлова 14 декабря 1861 года — и вот в декабрьской книжке «Вопросов философии» (1985 г.), где напечатана юбилейная статья о декабризме, я буду искать ученых представлений о связи русских революционных поколений, о закономерном переходе первой революционной волны во вторую, то есть буду искать ученых представлений о главном — и ничего не найду! Разве не катились по России революционные волны?..

Михайлов открыл собою перечень жертв второй революционной волны. Слабый здоровьем, в Сибири он скоро умер. «Добролюбов избег каторги только потому, что

Поэтому Энгельс не хочет давать тактические советы русским революционерам. Не он, а они находятся внутри своей революционной волны, поэтому не он, а они должны приложить теорию к конкретным условиям, в которых они действуют.

А ИЗНУТРИ вот что было видно.

Первое: сельская община, сохранившаяся в России, наложившая свой отпечаток и на характер власти, и на характер протеста против нее.

Второе: отсутствие гласности.

Третье: наличие Сибири. На судьбе Чернышевского эти три российские особенности, неведомые более ни одной стране мира, сказались особенно ярко. Эти три особенности определили тактику и пафос его борьбы, характер творчества и ход судьбы.

Одно и то же явление может представляться по-разному, в зависимости от высоты взгляда. На русскую общину того времени нужно смотреть не с кочки прадедовского домка, а с точки зрения теории. Тогда видно, что русская община — естественная основа для восточного деспотизма. Такова логика марксизма, подтвержденная жизнью. Неограниченная монархия — адекватная форма правления для страны, состоящей из сельских общин.

Но это понятно сейчас. А до тех пор, пока не созрел пролетариат и не началось распространение марксизма в России, даже очень умные люди, ненавидя самодержавие, одновременно верили в спасительную силу сельских общин: сохранившиеся в них черты первобытного коммунизма (общее землевладение и землепользование) служили почвой для социальных утопий построения будущего общества на базе общин.

Чернышевский смотрел на мир с очень высокого уровня. Он видел Россию не саму по себе, а в ряду других стран. Не стоящую на месте, а развивающуюся, подчиняясь общим законам.

Из его теоретической работы «Критика философских предубеждений против общинного владения»:

«...Русская община составляла предмет мистической гордости для исключительных поклонников русской национальности, воображавших, что ничего подобного нашему общинному устройству не бывало у других народов и что оно таким образом должно считаться прирожденною осо-

боль: в ней надежды, отчаяние, крах жизней, истоки героизма — все в ней. Из письма Засулич Марксу: «Вы знаете, насколько важен и злободневен этот вопрос в России. Вы знаете, что думал о нем Чернышевский. Наша передовая литература, как, например, «Отечественные Записки», продолжает развивать его идеи. Но этот вопрос, по моему, — вопрос жизни и смерти, особенно для нашей социалистической партии. От той или другой точки зрения на этот вопрос зависит даже личная судьба наших революционных социалистов».

Опираясь на пролетариат было невозможно по причине его отсутствия. Народ — это и было крестьянство, объединенное в разрозненные друг от друга общины. «Русский крестьянин (по Энгельсу) живет и действует только в своей общине; весь остальной мир существует для него лишь постольку, поскольку он вмешивается в дела его общины. Это до такой степени верно, что на русском языке одно и то же слово мир означает, с одной стороны, «вселенную», а с другой — «крестьянскую общину».

Ждать созревания каких-то иных условий? Но о том, как выглядят иные условия, знаем мы, а наши предшественники не знали. К тому же мужик страдал — значит, ждать было нельзя. Значит, надо было будить в мужике революционность, надо было поднимать его, в течение веков проявлявшего способность только к стихийному бунту, — на осмысленную борьбу, на крестьянскую революцию, на построение социализма! И надо было верить в мужика, в его революционность, ибо больше было верить не в кого!

Это противоречие: ведущий растительную жизнь мужик и вера в его революционность — послужит причиной духовного краха многих и многих людей: кто-то сопьется, кто-то сойдет с ума, кто-то просто умрет безвременно, без всяких видимых причин, кроме одной — принадлежности к направлению, искавшему истину именно на этих путях.

«Русская община просуществовала сотни лет, и внутри нее ни разу не возникло стимула выработать из самой себя высшую форму общей собственности; точно так же обстояло дело с германской маркой, кельтским кланом, индийской и другими общинами с их первобытно-коммунистическими порядками». (Это опять же Энгельс, внимательно следивший, как ка-